

Р. Г. Жамсаранова

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБРАЗА РОДИНЫ В ПОВЕСТИ АНАТОЛИЯ СВЕТЛАНСКОГО «БЕГСТВО ИЗ РАЯ»

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению проекции образа покинутой Родины (России), представленной в повести прозаика азиатского зарубежья А. Светланского «Бегство из рая». Это образ рая, земли обетованной, однако этим раем, по его мнению, была Россия царская, а не советская. В целом, антитеза этих двух ликов покинутой Родины в произведениях эмигрантской литературы Китая очевидна.

Приведено также краткое описание работ исследователей русской эмигрантской литературы азиатского зарубежья. Особое внимание уделено вопросам анализа текста, а именно раскрытию метафорической реализации образа Родины. Использование структурно-семиотического метода способствовало выявлению параллелизма на уровне слов и словосочетаний для реализации проекции образа России как «райской» родины и неприемлемой советской страны, по-другому – «адского места».

Ключевые слова: *русская эмигрантская литература Китая, Родина, рай, бегство.*

R. G. Zhamsaranova

INTERPRETATION OF IMAGE OF RUSSIA IN «FLIGHT FROM PARADISE» BY ANATOLY SVETLANSKY

Transbaikal State University, Chita, Russia

Abstract. The article is devoted to the projection of the image of the abandoned Motherland-Russia presented in the novel «Flight from Paradise» by Anatoly Svetlansky, the prose writer of the Asian abroad. However, this Paradise was the Tsarist Russia, not the Soviet one. The antithesis of the juxtaposition of these two images of the abandoned homeland in the works of emigrant literature of China is obvious. The paper provides a brief description of the researchers of the Russian emigrant literature of the Asian abroad.

Special attention is paid to the analysis of the text, namely, to the disclosure of the metaphorical realization of the images of the abandoned Motherland. The use of the structural-semiotic method helped to identify parallelism at the level of words and phrases for the realization of the projection of the images of Russia as a «Paradise» homeland and unacceptable Soviet Russia, in other words, «hellish place».

Keywords: *Russian emigrant literature of China, Motherland, paradise, flight.*

Актуальность исследуемой проблемы. Выявление и описание образа Родины в произведениях эмигрантской литературы зарубежья остаются всегда актуальными. Незученное поле русской эмигрантской литературы, например, Китая, представляет интерес в плане описания образа России как непреходящей ценности русского человека, что и является целью статьи.

Материал и методика исследований. Материалом исследования послужила повесть «Бегство из рая» одного из писателей-эмигрантов – А. Светланского. Используются литературоведческий анализ текста, заключающийся в раскрытии метафорической реализации образа Родины, и структурно-семиотический – для выявления параллелизма на уровне слов и словосочетаний; методика типологии метафор.

Результаты исследований и их обсуждение. Статья посвящена изучению повести А. Светланского – одного из представителей эмигрантской литературы Китая. Образ Родины в его произведении – это царская Россия как земля обетованная, а вынужденное бегство из страны – изгнание из рая.

Эмигрантскую литературу европейского зарубежья, представленную такими авторами, как Г. В. Адамович, И. А. Бунин, И. Северянин, В. Ф. Ходасевич, В. И. Иванов, В. В. Набоков, Г. В. Иванов, А. И. Куприн, М. А. Осоргин, Е. И. Замятин, и многими другими [15], принято противопоставлять литературе «метрополии», то есть России. Эта явление в русской литературе XX в. возникло после Октябрьской революции 1917 г. При этом принято не выделять ее в отдельное течение по причине формального существования не в самой стране, а за рубежом. Поэтому эмигрантская (иногда белоэмигрантская) литература едина, неделима от литературы России.

Если русская эмигрантская литература первой волны, как и последующих двух периодов европейского зарубежья, достаточно хорошо исследована, то этого нельзя сказать о русской эмигрантской литературе Китая. Ее исследователи (см. труды М. Гамзы, А. А. Забияко, А. П. Забияко, Е. О. Кирилловой и др.) описывают работы Б. Юльского (1912–1950), М. Щербакова (1890–1956), А. Хейдока (1892–1990) [6, с. 94–98], [9, с. 81–89], А. Ачаира, Л. Ещина, М. Колосовой, А. Несмелова и др. [5, с. 123], которые своими произведениями представляли прозу русской эмиграции в Китае [3]. К примеру, рассказы А. Хейдока, впервые опубликованные в популярном харбинском журнале «Рубеж», переиздавались в 1990-х гг. Рассказы других вышеупомянутых русских авторов-эмигрантов открыли читателю журнала литературу русской эмиграции в Китае [3]. Б. Юльский, как и А. Хейдок, постоянно печатался в «Рубеже». Сочинения этих авторов публиковались в г. Харбине. Не менее известный писатель-эмигрант М. Щербаков издавался в южном Шанхае [14].

Известно, что своего рода центром русской эмиграции в Китае по праву считался г. Харбин, который по замыслу царской России должен был стать крупнейшим транспортным узлом на Востоке. Этот город был основан при строительстве Китайско-Восточной железной дороги (далее – КВЖД) в 1898 г. в соседней с Россией Маньчжурии. Также в Харбине должен был обосноваться административный центр строящейся КВЖД.

Только после 1930-х гг. город, перестав играть роль российского форпоста на Востоке, уступил роль центра русской эмиграции в Китае Шанхаю, расположенному на юге Китая.

З. П. Логунова пишет, ссылаясь на результаты подсчета эмигрантской общественной организации «Русское общество в Маньчжурии и Монголии, о том, что к началу 1930-х гг. в Маньчжурии проживали примерно 110 тыс. человек – выходцев из бывшей Российской империи и СССР. Из этого числа только около 60 тыс. имели официально закрепленный статус эмигранта, тогда как остальные 50 тыс. являлись по факту советскими гражданами.

Ситуация в тот период сложилась так, что большая часть, примерно 45 тыс. человек, вынуждены были находиться в «полосе отчуждения КВЖД», куда и входил г. Харбин. Согласно деловому сборнику «Коммерческий Харбин» 1932 г., в городе проживали 30 044 эмигранта, 26 633 советских гражданина и 6 783 лица русского происхождения, принявших гражданство Китайской Республики [2], [11].

После революции россияне бежали с Дальнего Востока и Сибири в Китай. Русскими беженцами был наводнен прежде всего г. Харбин. Известно о тех, кто обосновался в приграничном Харбине в самые первые годы существования города, считался не эмигрантами, а колонизаторами китайского Харбина. Ими были в основном строители КВЖД и их семьи.

Впоследствии число русских в Китае резко выросло за счет политических и социальных потрясений, происходивших в России в 20-е гг. XX в. Беженцы из Сибири и Дальнего Востока наводнили Харбин и Шанхай [4], [7], [8], [12].

В 2005 г. в г. Пекине в издательстве «Китайская молодежь» были опубликованы десять томов эмигрантской русской литературы в Китае. Это произошло благодаря усилиям профессора Цицикарского университета, члена Союза писателей России, заместителя председателя правления Амурской областной общественной писательской организации, почетного доктора Воронежской технологической академии, кавалера Ордена Дружбы России Ли Яньлина.

Как пишет И. Рогачев, чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации в Китайской Народной Республике, «судьба тесно связала Ли Яньлина с нашими соотечественниками, он с детства полюбил русский язык, культуру и литературу. Пронеся эту любовь через всю жизнь, от первых уроков у русской эмигрантки в Харбине, через студенческие, а затем преподавательские годы на факультете русского языка в Хэйлунцзянском университете, через суровые испытания т. н. трудового перевоспитания в годы „культурной революции“, Ли Яньлин уже в зрелом возрасте обратился к поэзии и начал писать стихи. Самое удивительное то, что стихи были на русском языке, талантливо сочетающие в себе восточные и европейские традиции. Российская литературная общественность не оставила сборники Ли Яньлина без внимания: первым из китайских литераторов он был принят в Союз писателей России» [10, с. 1–3].

Собрание сочинений эмигрантской литературы Китая – это итог почти 40-летней кропотливой работы Ли Яньлина по сбору материалов о жизни и творчестве русских писателей-эмигрантов в этой стране, преимущественно в Харбине и Шанхае. Огромен его личный вклад в дело возвращения этого творческого наследия российскому читателю.

Наша статья посвящена обзору и изучению произведений, включенных им в последний, 10-й, том под названием «Сладкое или горькое». Это короткие рассказы А. Ненцинского, романы А. Шампли «Дорога в Шанхай» и Д. Петрова «Голубая ласточка», повесть А. Светланского «Бегство из рая», которая фактически представляет собой описание пути беженца из «советского рая», главного героя Виктора Ивановича. «Всем известно, господа, какой процент крестьянского населения имела Россия. А что сделала с ними Советская Власть? Отняла все ими нажитое, включительно до курицы и яйца. Так называемое раскулачивание проделала (стиль оригинала сохранен. – Р. Ж.) и добрую половину всех крестьян выслала в отдаленные местности на север, на съедение мошке. А сколько – бегут. Спаслись бы где-либо. Расстреливают их так много... На границе попадают. Из города тоже бегут: есть нечего и жить нельзя с людьми, у которых нет ничего хорошего в душе. Бежал, вот, я сам. Пережить пришлось в дороге разных опасных моментов много, а горя сколько перенес...» [10, с. 453].

Повествование ведется от первого лица, беженца Виктора Ивановича, подробно и скорбно описывающего все несчастья, невзгоды бегущего от новой власти человека, ведомого только одним – страхом за свою жизнь. И в конце своей речи он говорит: «Беженская волна из русских людей прибывает и страдания их увеличиваются. Всюду депрессия и депрессия... Нет работухи сейчас и не видно впереди ее. Где бы я не был, куда ни пошел бы – всюду лезут в голову мысли такие: – Бегут все. Спасти бы жизнь – еще немножко пожить на свете... А антихристы (большевики) день и ночь сговариваются: уничтожить бы скорей все живущее теперь и насадить новое... Говорят они люду всему пролетарскому: – Идите к нам – у нас рай земной скоро будет; люду буржуазному чиновному – возьмите у нас зерна побольше, лесу лучшего, нефти жирной, рыбки свежей, сардинок разных и еще, что хотите, – отдадим, не пожалеем... Валюты бы нам побольше – Коминтерн у нас в нужде. Да вот демпинг советский крепнет и ширится... Депрессия

спокойно спать никому не дает...<...> Жаль мне родного народа. Не выдержал я и решил: принесли меня сюда волны беженские, а унесут отсюда пусть волны речные... Прихожу вот я к реке этой многоводной. День праздничный. Смотрю, людей много. Отошел я в сторону, выглядел место хорошее, где вода быстрее течет и глубже дном оно, и думаю: а теперь повернусь назад, попрощаюсь с большим шумным городом» [10, с. 498–499].

Метафорическое «рай земной» в отношении советской власти, не принятой им, а потому отторгающей от жизни вообще, смещается к «раю небесному» как последней обители униженного и страдающего нравственно за поруганное антихристами Отечество.

Заключительные строки повести «Вижу и слышу я – всюду одна мысль у русских людей: вернуться бы на Родину, Русь святую, скорей, да и тело Архипастыря перевести в Кремль...» передают основную идею – невозможно добровольно покинуть рай, отсюда можно быть только изгнанным. Рефреном звучит мысль о возможном возвращении на Родину, как в произведениях поэтов и прозаиков европейского зарубежья.

М. Гамза справедливо пишет в своей статье о финале русских беженцев в Китае, что, во-первых, беженцы из России являлись простыми служащими, в основном из г. Харбина, а также из поселений КВЖД, в которых проживали русские эмигранты при строительстве железной дороги. А потому, как он считает, они были вынуждены в своей повседневной жизни, прежде всего в быту, стремиться адаптироваться к новой жизни вкупе с естественным желанием консервации прежнего, русского, устоя. Эти тенденции одновременной адаптации и консервации неизбежно должны были каким-то образом сочетаться друг с другом.

В Европе русская эмиграция освоилась сразу, была более многочисленной, а потому смогла намного быстрее освоиться и осесть там. Можно согласиться с М. Гамзой, что «модель бытования русской эмиграции на Западе была иной...». Действительно, соседний Китай для русских представлял «азиатскую» страну, в которой сама политическая и экономическая ситуация складывалась не настолько благоприятной для признания ее второй родиной. Поэтому нельзя было ожидать того, чтобы русские беженцы и их дети пустили в Китае корни, как это случилось с эмигрантами в той же Европе.

Сыграла большую роль и политическая обстановка пограничных государств – Советской России и Китая. Власти этих двух стран, объединившись, солидаризировались в желании покончить с прежним царским режимом. Именно в этот переломный период смены власти Харбин и Шанхай не укрепились «на карте рассеяния русской диаспоры». Китай не стал «землей обетованной» для тех, кто бежал сюда от революции. Поэтому китайская эмиграция русских закончилась их исходом в другие страны и на иные континенты. Исследователи истории русской эмиграции в Китае отмечают, что к 1960-м гг. русских здесь почти не осталось в связи с их ассимиляцией и отъездом.

При повторной эмиграции в Северную Америку или Австралию эмигранты первого поколения, ставшие таковыми в Китае, старались не забывать о своей Родине. Русские пытались сохранить чувство патриотизма, несмотря на все невзгоды и неудачи (может быть, именно из-за них), оставаться «русскими» по языку, вере, образу жизни, мысли и воспитывать «русскость» в своих детях. Иное наблюдалось у тех, кто пережил репатриацию в Советский Союз. Они, будучи автоматически превращенными из опального статуса «эмигрантов» в не менее опасных «предателей», старались сохранять и (до последних лет советской власти – тайно) передавать следующим поколениям осознание своей особой принадлежности к харбинцам, или «русским из Китая» [3].

В. Г. Шаронова в книге «История русской эмиграции в Китае» пишет, что люди, бежавшие от новой, советской, власти в 1917 – начале 1920-х гг., имели все основания, в том числе и моральные, называться «беженцами». Ведь беженцы – это те, кто спасался от голода, физического уничтожения, лишений и тюремного заключения. Завершилось

это тем, что после ратификации декрета РСФСР 1921 г. о лишении белоэмигрантов российского гражданства «дверь в Россию для них была захлопнута и изнутри [13, с. 219].

В. Г. Шаронова также отмечает, что по своему социальному составу русская эмиграция в Китае отличалась от европейской. В китайской эмиграции были в основном военные, служащие КВЖД, торговый люд, белоказаки и представители среднего класса; здесь не было членов царского дома Романовых, великих князей и прочих представителей знати (однако несколько человек из титулованной аристократии также оказались в «азиатском» изгнании).

Соседний с Забайкальем и Приамурьем Харбин стал прибежищем для многих сотен русских людей. Среди них были белоказаки, разбитые и уничтоженные морально остатки колчаковской армии и т. д., бывшие служащие КВЖД, торговцы, несогласные с новыми идеалами советской России, крестьяне, казаки, священники и попы, инородцы-буряты, буддийские священнослужители (ламы), напуганные «красным террором» новой власти. Некоторые из них переходили границу ночью, заплатив последние деньги китайцам-проводникам. Газеты писали: «...состав русской колонии изменился в Харбине ныне до неузнаваемости. Вместо богатого железнодорожника, ныне наполовину вытесненного туземцами, вместо целого корпуса хорошо оплачиваемой пограничной стражи, вместо множества русских колониальных чиновников с завидными окладами казенного содержания и, наконец, вместо огромных кадров тыловых „прожигателей жизни” военного времени преобладающим типом „покупателя” стал полуголодный „беженец”, питающийся чуть ли не собственными внутренностями» [13, с. 219].

Положение беженцев было ужасным еще и потому, что их вылавливали при содействии китайских властей и отправляли обратно в СССР. «Через час я был у отправлявшегося в СССР поезда. Под большим конвоем солдат привели к поезду до 20 человек беженцев. Среди них были женщины и дети. У всех вид был измученный, ужасный. У женщин были заплаканные глаза...» [10, с. 481]. Люди, особенно женщины, на коленях умоляли начальника конвоя не отправлять их назад, в Советы, ведь их там расстреляют. Виктору Ивановичу одна из беженок рассказала о том, что консул советский «...пиры устраивает. Начальников всех китайских приглашает. Хорошо он их угощает, а потом речи им такие говорит: русских беженцев, мол, надо назад отправлять в СССР, так как они все воры или мошенники, что, мол, хорошие, честные люди из Советов не бегут, что если Вы, мол, будете разрешать жить в Китае этим уголовным преступникам, то они вас, мол, убьют. И говорит он им, говорит... Власти китайские смотрят: оборванные, худые, измученные, страшные эти беженцы. Как их узнать: хорошие они или плохие люди – ну и высылают, вот, назад. Горе наше... За что нас Бог так наказывает...» [10, с. 482].

Описание этих митарств беженцев настолько убедительно и отлично от художественного вымысла, что любой читающий, проникнувшись состраданием к этим несчастным, мог бы спросить: «Какое же это бегство из рая? Это бегство из ада!».

Однако автор, чья повесть написана в жанре дневниковых записей, имел в виду образ Родины, который предстал раздвоенным, разительно отличающимся от образа той страны, в которой они прожили до революции 1917 г. настоящую свою жизнь, «почти как в раю». Образ иной, большевистской России – это уже не рай, хотя новое правительство и обещает рай земной: «у нас рай земной скоро будет...». Но рая земного, как известно, не бывает.

А. Светланский использовал такой литературоведческий прием, как антитеза (от др.-греч. ἀντίθεσις «противопоставление»), который сродни риторическому противопоставлению. Антитеза как яркая стилистическая фигура контраста в ораторской или художественной речи заключается в контрастировании понятий, положений, образов, состояний, иногда резко. Поэтому реалистично жестокой представляется судьба беженцев, изгнанных из рая и прошедших через адское чистилище бегства. Добровольно рай

не покидают, оттуда можно быть только изгнанным. А бежали из советского «рая», «земного рая», которого не бывает, мечтая попасть уже в конце своего пути в небесный рай, даже посредством самоубийства.

Противопоставление образов России, преломленное в названии повести, – это не только художественный прием, но и создание знаковой ситуации, характерной для той эпохи и описанной в этом литературном произведении. Образ Родины в качестве смыслового значения основной идеи повести «Бегство из рая» постепенно вырисовывается почти в каждой ее строке. Герой бежит из-за боязни быть физически уничтоженным, однако при этом его раздирают не менее жестокие страдания по покинутой им Родине. Его любовь к Отчизне так же бесконечна, как нескончаемы его страдания и непростительны его бегство «из рая», жизнь вдали от Родины. Русский человек и Россия неделимы, неразделимы, а если и случится разлука, то и сама жизнь уже в тягость.

Широко известны слова А. А. Ахматовой, которая однажды сказала: «Вы заметили, что с ними со всеми происходит в эмиграции? Пока Саша Черный жил в Петербурге, хуже города и на свете не было. Пошлость, мещанство, смрад. Он уехал. И оказалось, что Петербург – это рай. Нету ни Парижа, ни Средиземного моря – один Петербург прекрасен».

Желание запечатлеть в своей памяти образ Родины у эмигрантов, поневоле оказавшихся беженцами, по-видимому, рефлексировало в описании чувств, переживаний и мыслей. Выразить это им можно было посредством литературного творчества.

Необходимо согласиться с мнением о том, что русская эмиграция, желавшая сохранить свое национальное лицо, нуждалась более других в литературе. Бежавшие изгнанники «унесли» с собой свою Россию, в большинстве случаев горячо любимую, воплотив образ Родины в своих произведениях именно такой, какой ее не могли (и не желали) нарисовать советские писатели [15]. Об этом же пишет Н. Г. Архипова: «Однако Китай никогда не являлся для семейских „землей обетованной“, старообрядцы никогда не стремились найти окончательного пристанища в Китае...» [1, с. 67].

В. Г. Шаронова считает, что эмигранты в Китае старались быть в курсе всех новостей с Родины. Наиболее популярными в те годы были эмигрантские газеты «Шанхайская заря» и «Слово»; издавалась литературно-художественная периодика – еженедельники «Рубеж», где печатались произведения литераторов русского зарубежья, и «Прожектор», журнал «Современная женщина» и т. д.

Было много журналов для детей: «Первые шаги», «Ласточка», «Друг гимназиста». Существовали также и духовные журналы «Хлеб небесный», «Китайский благовестник», «Светоч Владимиро-Богородицкого монастыря» и др. Кроме периодики, выпускалось множество произведений художественной литературы: зарубежных авторов и эмигрантских писателей [13, с. 228].

Вероятно, все эти издания представляли собой для русского зарубежья некую трибуну, когда именно Харбин превратился в своего рода центр, где русские имели возможность попытаться сохранить традиции своей культуры. В своих произведениях они старались воссоздать образ покинутой ими России, прежней страны, где, как им грезилось, присутствовал незримый дух «русскости». «Китай и, в особенности, Харбин предоставили эмигрантам шанс остаться русскими, пережить и изжить, насколько это возможно, трагедию исхода» [5, с. 129].

Резюме. Повесть А. Светланского «Бегство из рая» представляет собой почти автобиографическое сочинение в жанре дневниковых записей о пережитом. Высвечивается образ Родины – покинутой им, страдающей и измученной России. Метод структурно-семиотического анализа текста данного произведения позволил закрепить и описать наличие метафорической реализации образа России как Родины, этой «земли обетованной», рая на земле в противовес обещанному «советскому раю».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архипова Н. Г.* Рассказы об эмиграции в Китай в диалектном дискурсе семейских старообрядцев Амурской области // Научный диалог. – 2014. – № 4(28). – С. 58–73.
2. *Аурилене Е. Е.* Русские в Маньчжоу Го: «свои» и «чужие» // Родина. – 2012. – № 12. – С. 137–140.
3. *Гамза М.* О системах ценностей русской эмиграции в Китае [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nlo/2014/3/23g.html>.
4. *Дударенок С. М.* Научная хроника // Сборник материалов Второй Международной научной конференции. – Владивосток, 2017. – С. 168–172.
5. *Забияко А. А., Забияко А. П.* Исторический опыт Гражданской войны в произведениях писателей-эмигрантов русского Харбина // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – № 5. – С. 123–130.
6. *Забияко А. А.* Проза харбинского писателя Бориса Юльского в контексте художественной этнографии дальневосточного зарубежья // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2015. – № 2. – С. 91–99.
7. *Забияко А. А., Эфендиева Г. В.* Меж двух миров: русские писатели в Маньчжурии. – Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 2009. – 352 с.
8. *Забияко А. П.* Порубежье // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы взаимодействия : сборник материалов Международной научно-практической конференции. Вып. 9. – Благовещенск, 2010. – С. 5–11.
9. *Кириллова Е. О.* Переплетение культурных пространств Востока и Запада в творчестве писателя русского зарубежья Б. Юльского // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 5. – С. 81–89.
10. *Литература русских эмигрантов в Китае* : в 10 т. Т. 10 : Сладкое или горькое. – Пекин : Китайская молодежь, 2005. – 500 с.
11. *Логунова З. П.* Без экстерриториальности и гражданства (феномен русского дальневосточного зарубежья – русская колония Харбин) (конец XIX – середина XX века) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.amgpgu.ru/upload/iblock/6c1/logunova_z_p_bez_eksterritorialnosti_i_grazhdanstva_fenomen_russkogo_dalnevostochnogo_zarubezhya_rus.pdf.
12. *Сборник «Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции* / отв. ред. С. М. Дударенок, М. А. Тулиглович. – Владивосток, 2016. – 402 с.
13. *Шаронова В. Г.* История русской эмиграции в Китае. – М. : Изд-во гуманитарных инициатив, 2015. – 512 с.
14. *Щербаков М.* Корень жизни : сборник рассказов. – Шанхай : Врата, 1943. – 236 с.
15. *Эмигрантская литература* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://shollsoch.ru/2018/03/20>.

Статья поступила в редакцию 30.09.2019

REFERENCES

1. *Arhipova N. G.* Rassказы ob emigracii v Kitaj v dialektnom diskurse semejskikh staroobryadcev Amurskoj oblasti // Nauchnyj dialog. – 2014. – № 4(28). – S. 58–73.
2. *Aurilene E. E.* Russkie v Man'chzhou Go: «svoi» i «chuzhie» // Rodina. – 2012. – № 12. – S. 137–140.
3. *Gamza M.* O sistemah cennostej russkoj emigracii v Kitae [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : <http://magazines.russ.ru/nlo/2014/3/23g.html>.
4. *Dudarenok S. M.* Nauchnaya hronika // Sbornik materialov Vtoroj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – Vladivostok, 2017. – S. 168–172.
5. *Zabiyako A. A., Zabiyako A. P.* Istoricheskij opyt Grazhdanskoj vojny v proizvedeniyah pisatelej-emigrantov russkogo Harbina // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke. – 2013. – № 5. – S. 123–130.
6. *Zabiyako A. A.* Proza harbinskogo pisatelya Borisa Yul'skogo v kontekste hudozhestvennoj etnografii dal'nevostochnogo zarubezh'ya // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke. – 2015. – № 2. – S. 91–99.
7. *Zabiyako A. A., Efendieva G. V.* Mez dvuh mirov: russkie pisateli v Man'chzhurii. – Blagoveshchensk : Izd-vo Amur. gos. un-ta, 2009. – 352 s.

8. *Zabiyako A. P. Porubezh'e* // Rossiya i Kitaj na dal'nevostochnih rubezhah. Russkie i kitajcy: regio-nal'nye problemy vzaimodejstviya : sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Вып. 9. – Blagoveshchensk, 2010. – S. 5–11.
9. *Kirilova E. O. Pereplenie kul'turnyh prostranstv Vostoka i Zapada v tvorchestve pisatelya russkogo zarubezh'ya B. Yul'skogo* // Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. – № 5. – S. 81–89.
10. *Literatura* russkih emigrantov v Kitae : v 10 t. T. 10 : Sladkoe ili gor'koe. – Pekin : Kitajskaya molodezh', 2005. – 500 s.
11. *Logunova Z. P. Bez eksterritorial'nosti i grazhdanstva (fenomen russkogo dal'nevostochnogo zarubezh'ya – russkaya koloniya Harbin) (konec XIX – seredina XX veka)* [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.amgpgu.ru/upload/iblock/6c1/logunova_z_p_bez_eksterritorialnosti_i_grazhdanstva_fenomen_russkogo-dalnevostochnogo_zarubezhya_rus.pdf.
12. *Sbornik «Vladivostok – tochka vozvrashcheniya: proshloe i nastoyashchee russkoj emigracii / otv. red. S. M. Dudarenok, M. A. Tuliglovich.* – Vladivostok, 2016. – 402 s.
13. *Sharonova V. G. Istoriya russkoj emigracii v Kitae.* – M. : Izd-vo gumanitarnyh iniciativ, 2015. – 512 s.
14. *Shcherbakov M. Koren' zhizni : sbornik rasskazov.* – Shanhaj : Vrata, 1943. – 236 s.
15. *Emigrantskaya literatura* [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : <https://shollsoch.ru/2018/03/20>.

The article was contributed on September 30, 2019

Сведения об авторе

Жамсаранова Раиса Гандыбаловна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры китайского языка Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия; e-mail: rebeca_zab@mail.ru

Author information

Zhamsaranova, Raisa Gandybalovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Chinese Language, Transbaikal State University, Chita, Russia; e-mail: rebeca_zab@mail.ru